

НОВАЯ НАУЧНАЯ ПАРАДИГМА

В.М. Розин

ДИСКУРСИВНЫЕ КОММУНИКАЦИИ И СОЦИАЛЬНОЕ НОРМИРОВАНИЕ

Аннотация. В статье рассматривается ситуация, сложившаяся в современной дискурсивной коммуникации. Она характеризуется локализацией коммуникационных сообществ и аудиторий и кардинальным непониманием. Обсуждаются условия коммуникации в такой ситуации (рефлексия способов мышления, их демонстрация, рассказ об основных этапах жизни автора), которые все же не ведут к пониманию. Дальше на примере моды и реализации социальных норм с противоположным содержанием анализируются типы социального нормирования, характерные для современной культуры. Анализ моды показывает, что она является одной из современных нормативных систем: задает определенные аспекты поведения человека, причем в контексте моды соответствующие нормы варьируются и обновляются. Современные нормы типа моды устанавливаются в процессе активности социальных акторов, посылающих в публичную среду различные мессаджи. Это первое условие. Второе условие — создание нужной социальной среды и готовности. Третье — самоорганизация этой среды в ответ на данные послания. Автор предлагает различать такие стратегии социального нормирования как «жизнь в двух комнатах», «компромисс», «синтез», «потемкинская деревня». В заключении полученные характеристики социального нормирования применяются к проблеме понимания в современных дискурсивных коммуникациях.

Ключевые слова: философия, коммуникация, практика, истина, интерпретация, реальность, понимание, нормы, социальность, актор.

Не секрет, что современные коммуникации в сфере философии и науки становятся все более локальными. Сообщества специалистов, хорошо понимающих друг друга, сужаются до нескольких человек, а в пределе до отдельного индивида. Робкие попытки установить нормы мышления даже в отдельной аудитории или семинаре встречаются в штыки или воспринимаются иронически. Конечно, есть отдельные области знаний, например, математика, где положение дел с коммуникацией не столь катастрофично, но это только подтверждает правило. Впрочем, стоит уточнить. Подобная оценка — взгляд со стороны, сами участники той или иной аудитории или семинара, как правило, уверены, что понимают друг друга, хотя, если их спросить, что и как они поняли, то выясняется полная разногласица и противоположность суждений.

Ну и что, скажет наш оппонент, подобное положение дел отражает современную постмодернистскую ситуацию в культуре: отказ от построения единой системы культурных норм в пользу множества частных нормативных систем, вместо стремления

к согласию и порядку — акцентирование различий, разногласия, противостояния, не общезначимость, условность или метафоричность, приоритет не науки, а других дискурсов, прежде всего искусства, не существование, а разные, в том числе и «непрозрачные» реальности. «Приходящее на смену общество, — пишет один из идеологов постмодерна Жан-Франсуа Лиотар, — меньше всего утверждает антропологию ньютоновского типа (как в свое время структурализм или теория систем), а более всего нацелено на грамматику языковых частиц. Возникает множество различных языковых игр <...> А изобретение, открытие нового всегда осуществляется через разногласие <...> Если мы осуществляем дескрипцию научной прагматики, акцент должен быть отныне сделан на расхождении, разногласии. Консенсус — это никогда недостижимая линия горизонта <...> По отношению к идеалу наглядности она является фактором формирования “непрозрачности”, которая отодвигает момент консенсуса на более позднее время»¹.

---

¹ Лиотар Ж.Ф. Постсовременное состояние // Культурология. Ростов-н/Д, 1995. С. 531-532.

Г.С. Померанц пишет, что в постмодернизме велика роль описательного плана, то есть характеристики вновь возникшей реальности, и плана полемиического, связанного с переоценкой ценностей мысли и культуры. «Целостная реальность ускользает от слов и отрицается постмодернизмом. Признаются только описания. Эти описания конституируются как единственная реальность. Подчеркиваются те черты электронной культуры, которые стирают различия между истиной и ложью. Реальность и фантазия сливаются в “виртуальной” действительности, как в “Диснейленде”. Карта предшествует территории и создает “территорию”, телевизор формирует общество»².

Центральными содержаниями этого мироощущения являются понятия перехода и реальности. Сюжет одной реальности отсылает нас к другой реальности, которая в свою очередь символична. И одновременно — реальна. Реальны, как утверждают современные психологи, наши сновидения, реальны, на чем настаивают искусствоведы, «первичные иллюзии» искусства, абсолютно реальны, утверждает религия, Бог, святые, ангелы, демоны, не менее реальны, говорят эзотерики, и доказывают это всей практикой своей жизни, подлинные, эзотерические миры. Но ведь реален и наш обычный мир и природа с ее законами, что подтверждается непрерывно успехами естествознания и инженерии. Когда мы говорим о том, что нечто существует или о реальности или о существовании определенной реальности, каким образом мы понимаем все эти понятия и выражения, одинаковые ли значения и смыслы вкладываем мы в них? Сегодня понятие реальности употребляется все чаще и главное нередко вместо понятия существования.

В этом плане можно вспомнить и трактовку, данную в конце сороковых годов Н. Бердяевым, который писал, что объективированный мир не есть подлинный реальный мир, это есть лишь состояние подлинного реального мира, которое может быть изменено. Объект, утверждал он, есть порождение субъекта. Лишь субъект экзистенциален, лишь в субъекте познается реальность. Бытие есть понятие, а не существование. То, что Бердяев называет объективацией, Фуко связывает с интерпретацией, подчеркивая ее незавершенность и бесконечность. Если интерпретация никогда

не может завершиться, пишет Фуко, то просто потому, что не существует никакого «интерпретируемого». Не существует ничего абсолютно первичного, что подлежало бы интерпретации, так как все, в сущности, уже есть интерпретация, любой знак по своей природе есть не вещь, предлагающая себя для интерпретации, а интерпретация других знаков. В интерпретации устанавливается скорее не отношение разъяснения, а отношение принуждения. Интерпретируется не то, что есть в означаемом, но, по сути дела, следующее: кто именно осуществил интерпретацию. Основное в интерпретации, отмечает Фуко, — сам интерпретатор.

Парадигма постмодернизма неоднозначна и в определенной степени предельна для философского и научного мышления. Кризис традиционной рациональной мысли, новые техники интерпретаций произведений искусства, распрямление реальности в современных гуманитарных и социальных исследованиях, поиски новых подходов и способов мышления — все это способствовало становлению нового мироощущения, где в центр выдвинулись *становление* и постоянное *преодоление традиционной мысли*. Но как верно заметил Померанц, хотя «Новое время кончилось и начался поворот неизвестно куда, эпоха дрейфа, потери и обновления ориентиров», тем не менее, «все попытки увековечить современное состояние мира, нынешний стиль восприятия жизни необоснованны»; «история культуры — это история обуздания новых стихий»³.

Современный человек научился так интерпретировать события и затем вменять полученные интерпретации себе и другим, что реальность стала неопределенной и мерцающей. Очень вероятно, что и дальше мы будем наблюдать победное шествие техники и технологии и связанную с ними глобализацию мира. Но возможно, этот тренд сменится другим. Некоторые вслед за Гегелем думают, что разум и согласие на нашей планете возрастают. Другие, напротив, пророчат, что нас ожидает борьба всех против всех. Странники техногенной цивилизации считают, что человек сможет организовать под себя земную природу. Но «зеленые» и антиглобалисты думают иначе — природа накажет зазнавшегося человека ураганами, цунами, эпидемиями.

Получается, что недостаточно рассказать о мире, который на взгляд того или иного мысли-

² Померанц Г.С. Постмодернизм // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М., 2001. Т. 3. С. 297.

³ Там же. С. 298.

теля существует, поскольку разные философы и ученые (а также сегодня отцы церкви и эзотерики) показывают и удостоверяют для нас совершенно разные реальности. Что же делать? Раньше я думал, что для взаимного понимания достаточно отразить свои ценности и подход и рассказать о нем другим. Если они будут продемонстрированы, считал я, то станут понятными, почему я думаю именно так, и что собой представляет реальность, о которой я говорю.

Не отказываясь от полезности указанной стратегии, я все же сегодня понимаю, что она мало эффективна, ведь, если другой мыслитель видит все иначе, имеет другую *непосредственную реальность*, он и мое разъяснение будет считать ошибочным или просто не поймет. Кроме того, современный мыслитель, как правило, занят собой, своей личностью и творчеством. Ему некогда вникать в чужие построения, разбираться в перипетиях познания другого. И дело здесь не в плохом характере или эгоизме, а в духе времени и образе жизни. Мы достаточно разобщены и не включены в общее дело. Вот, например, я много лет двигался самостоятельно, вышел на понимание реальности и мучащих меня проблем, вжился в открытый мир, обустроился в нем, он для меня воспринимается как *непосредственный* и *подлинный*. Но то я, а другие? Они, во-первых, не присутствовали в моей жизни и не знают её перипетий. Во-вторых, сами они, точно так же как и я, прошли свой сложный путь, о котором, в свою очередь, уже я ничего не знаю.

Кажется, тогда чего проще — нужно рассказать о своем жизненном пути и показать место в нем нашего мышления и познания. Тогда, вероятно, другим станет понятным моя реальность. Ну, примерно так я и делаю. Пытаюсь осознать и описать свои ценности и подход. Рассказываю о своем жизненном пути⁴. Показываю место в нем своего мышления и познания. Возникает ли при этом для других понимание моего мышления и реальности, которую я обсуждаю? Трудно сказать, ведь опять же другие заняты собой и не имеют возможности вникать в мои построения и перипетии жизни. Подвесим пока эту тему и поговорим о социальной нормативности как таковой.

⁴ Розин В.М. Беседы о реальности и сновидения Марка Вадимова. Методологический роман. М., 2006; Розин В.М. Проникновение в мышление. История одного исследования Марка Вадимова. М., 2006; Приобщение к философии. Новый педагогический опыт. М., 2009.

Идеал традиционных социальных норм примерно такой — **однозначность истолкования и системность**. Возьмем для примера античность. Можно говорить о четырех основных типах античной нормативности: *религиозной*, точнее религиозно-мифологической (ее роль в античной культуре постепенно ослабевала; вера в богов и души становилась со временем все более условной, но, тем не менее, продолжала определять поведение греков и римлян), *рациональной* (в лице философии и позднее античной науки), значение которой, напротив, постоянно нарастало, *художественной* (разные виды искусства) и *юридической*. О строении мира, жизни и смерти, правильном и неправильном поведении и т. п. вещах, определявших личную и социальную жизнь, античный человек мог узнать у жрецов, но также у философов, в театре или в суде. Одновременно с формированием указанных нормативных систем складывается и новое видение действительности.

Каким образом античные типы нормативности соотносились друг с другом? Хотя они были независимы и иногда отрицали друг друга, тем не менее, эти системы нормативности рефлексивно отображали друг друга и строились так, чтобы противоречия не бросались в глаза. Возьмем, например, известный миф о рождении Афины Паллады. Она выходит из головы Зевса, который олицетворяет старую религиозно-мифологическую культуру (он стоит во главе пантеона богов, характерных для «культуры древних царств»). Сама же Афина — покровительница философов, и ученых, богиня мудрости символизирует новую рациональную, философско-научную культуру. Но важно, что Афина Паллада — это также любимая дочь Зевса, воплощение его мудрости (она вышла прямо из головы Зевса в полном облачении и доспехах), и в то же время Афина Паллада не менее могущественна, чем сам Зевс. Другой пример — Разум в работах Аристотеля. С одной стороны, это самое первое начало и Единое, то есть мыслительная конструкция, с другой — божество, который мыслит самого себя и «если поэтому, — говорит Аристотель в «Метафизике», — так хорошо, как нам иногда, богу всегда, то это изумительно»⁵. А почему римский император не должен подчиняться праву? Не в последнюю очередь потому, что он наделяется божественными прерогативами, то есть выступает как единственный источник власти.

⁵ Аристотель. Метафизика. М.-Л., 1934. С. 211.

Но почему, спрашивается, в рациональной системе нормативности стал превалировать подход по линии Парменид, Сократ, Платон, Аристотель? Нормативная система Платона-Аристотеля не имела бы той значимости и силы, если бы в ней не был предложен весьма эффективный принцип организации и упорядочения мыслительного материала и полученных знаний. Весь мыслительный материал упорядочивался и организовывался, с одной стороны, в связи с иерархическим отношением нормирования, с другой — в связи с требованием доказательства всех положений (кроме «начал»); с третьей стороны, в связи с удовлетворением правил истинного рассуждения (мышления). Сами же эти правила строились так, чтобы избежать противоречий и, одновременно, ассимилировать основную массу эмпирических знаний, полученных в рамках оперативного мышления. Следовательно, в конечном счете, аристотелевскую реальность удостоверяли практика и опыт мышления.

Но когда это было, с тем пор много воды утекло, традиционные типы нормативности практически исчерпали себя, зато складываются новые типы нормативности. Так Н. Луман показывает, что попытки реанимировать некогда могущественные идеологии, пока не приводят к положительным результатам, поэтому более осмысленно, понять, что это такое и «переформулировать идеологию в соответствующей перспективе». Другой пример касается права. В целом современное право охвачено кризисом и перестает работать, в частности, потому, что неясно, в каком направлении его обновлять.

«Право в XX в. как в теории, так и на практике, — пишет Берман, — все меньше воспринимается как связанное целое, свод, организм, *corpus juris* и все больше как мешанина, каша из сиюминутных решений и противоречащих друг другу норм, соединенных только общими «приемами», «техникой». Старое метаправо разрушилось, его сменил своего рода цинизм <...> Мнение, что право переходит пределы политики, что в любой данный момент или, по крайней мере, в его историческом развитии право отлично от государства, видимо, все больше уступает место представлению о праве как инструменте государства, то есть средстве исполнения воли тех, у кого в руках политическая власть (наша российская действительность полностью подтверждает эту тенденцию. — В.Р.) <...> Право становится более фрагментированным, субъективным, больше на-

строенным на удобство, чем мораль. Оно больше заботится о сиюминутных последствиях, чем о последовательности и преемственности. Так в XX в. размывается историческая почва западной традиции права, а сама традиция грозит обрушиться» <...> «Измениться вовремя, — замечает Берман, — вот ключ к жизнеспособности любой системы права, которая испытывает неодолимое давление меняющихся обстоятельств»⁶.

Но в каком направлении должно изменяться право — вот в чем вопрос? Право можно развивать, чтобы поддержать новые социальные транснациональные институты, но не ясно, чему это будет способствовать, не будет ли этот шаг только усугублять глобальные планетарные кризисы. Право еще больше можно ориентировать на личность, но последняя, как утверждают критики нашей цивилизации, уже и так предельно эгоцентрична, эгоистична и безответственна. Право, безусловно, должно работать на справедливость, однако, что является справедливым в ближайшей перспективе — дальнейшее развитие нашей техногенной цивилизации или, наоборот, ее критика и трансформация в направлении создания предпосылок новой цивилизации, свободной от существующих пороков и проблем? И подобные проблемы возникают относительно всех современных значимых систем нормирования. Но ведь все они к тому же должны быть взаимосвязанными. Или уже не должны?

Хотя системы нормирования и управления (суд, власть, государство и другие институты) продолжают действовать, их функции существенно изменяются. Это уже не руководящие и нормативные органы социума, а скорее своеобразные «инструменты», с помощью которых устанавливаются «правила социальной игры», «общие социальные условия». Новые социальные индивидуумы, например, «сетевые сообщества», «корпорации», «метакультуры», с одной стороны, вынуждены удовлетворять этим общим социальным условиям, с другой — по своему их истолковывают и используют, с третьей стороны, активно стараются переделать эти условия под себя. Но поскольку этим же занимаются и другие участники социальной игры, общие социальные условия продолжают оставаться общими, одновременно демонстрируя возможность социального компромисса.

⁶ Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998. С. 37, 51, 53.

В качестве примера можно опять же указать на современное право. С одной стороны, законы все же вынуждены соблюдаться. С другой — каждый социальный субъект стремится истолковать право и законы так, как это ему выгодно. Стрельей стороны, эти субъекты стараются повлиять на изменение права (лоббирование, законодательные инициативы, давление через прессу и т.п.), чтобы появились «нужные» для них законы. Но право — только одна из составляющих общих условий. К общим социальным условиям относятся средства массовой коммуникации, транспортные и энергетические системы, многие социальные институты. Вопрос: можно ли отнести общие условия к социальным нормам? Вряд ли. Говоря о социальном нормировании, обычно имеют в виду два момента: или *социальный образец* (авторитет, харизма отдельного человека, группы, сообщества) или *социальный институт* (президент, парламент, наука, религия и пр.). В первом случае речь идет о подражании (идентичности), во втором о принадлежности и власти в широком понимании. Общие же условия вряд ли могут быть подведены под указанные характеристики социального нормирования.

Но право, и в этом парадоксальность, не только одно из общих условий, но и современная социальная норма. Правда, очень странная, как и все остальные. Современные социальные нормы *неоднозначны, локальны, их значение создается в деятельности человека*, связи между социальными нормами *гетерогенны*. Чтобы лучше почувствовать указанные характеристики современных норм, рассмотрим два примера — феномен моды и реализацию индивидом (сообществом), на первый взгляд, несовместимых социальных норм (веру в Бога и в науку, в право и бесправие и т.д.).

Существует точка зрения, что мода — это средство идентификации; она позволяет современному человеку солидаризироваться с себе подобными и противопоставляться остальным. Известно также, что мода может манифестировать определенные идеи, информировать публику о том или другом. Считается, что мода делает человека интересным и привлекательным. Иногда моду определяют как культурный механизм обновления, смены. Правильны ли перечисленные здесь характеристики моды и совместимы ли они? Еще один вопрос, когда мода возникла.

Обсуждение моды можно начать с простой интуиции. Когда ты модно одет, модно живешь, то на тебя все обращают внимание, при этом ты

как бы видишь себя со стороны и удовлетворен собой. Человек, приобщенный к моде, оказывается в особом мире: в мире желаемого. Попадает он в этот мир именно за счет моды. Спрашивается, каким образом? Чтобы это понять, проделаем мыслимый эксперимент. Представим, что я хочу попасть в мир, где я красивый мужчина, мастер карате, успешный предприниматель и прочее. Что для этого необходимо сделать?

Один путь, достаточно трудный — стать именно таким, как я хочу. Другой, полегче — добиться признания со стороны других, чтобы они тебя таким считали, при этом неважно, что есть на самом деле. В этом втором случае эти «другие» должны повернуться ко мне, увидеть во мне красивого мужчину (мастера карате, успешного предпринимателя), начать восхищаться моей красотой (силой, удачей) и делать все остальное, предписанное мне данной ролью. Однако ведь все мы эгоистические личности, каждый занят, любит себя, поглощен собой. Каким же образом обратить на себя внимание, повернуть глаза других на себя, как из себя сделать центр мира.

Очевидно, чтобы на меня обратили внимание, занялись мною, я должен попасть в мир (реальность) этих других людей, стать для них событием. Как? Послав вместо себя того, кто для них *значим, интересен*, от кого они зависят. Но в культуре нового времени для других людей значимы и интересны не люди как таковые, а *образцы, идеалы, ценности*, относительно которых новоевропейский человек поверяет (подтверждает) свое бытие и существование. Итак, чтобы поставить себя в центр внимания других людей, так сказать, «повернуть мир на себя», нужно из себя сделать образец, идеал, ценность, вместо себя послать значимый для других персонаж. Спрашивается, как это сделать? С помощью искусства, конструирования особой реальности, моды. Действительно, став самостоятельной реальностью, искусство в широком смысле (включающее художественное и символическое воображение) способствовало тому, что человек научился видеть и переживать себя как особое произведение, играть разные роли, (красивой женщины, мастера карате, успешного человека и т. п.), стал способен «рассматривать себя глазами других». Все это позволяет ему рассчитывать на внимание других, и не просто внимание, а нужное отношение к себе — удивление, восхищение, зависть и прочее, что и составляет сладость переживания в реальности моды.

Но ведь фактически человек при этом не становится образцом, ценностью, идеалом, — может заметить внимательный читатель. Но что значит реально. В современной культуре, особенно массовой, мы вполне удовлетворяемся ролями и имитацией жизни, давно уже не можем отличить подлинное от неподлинного и изображаемого. В массовой культуре все начинают играть роли и выставлять вместо себя маски: одни на волне моды изображают из себя красивых сильных, успешных и прочее, а другие играют роли тех, кто обращает на них внимание, ими восхищается, завидует им. Если человек беден как личность, если содержание его внутренней жизни заполняется заданными извне (ТВ и другие источники массовой информации) сюжетами, то для него важны лишь симулякры, то есть важно лишь то, чтобы тебя заметили и удивились. Именно это в вырожденном случае и становится событиями жизни человека массовой культуры. Но в общем случае, конечно, события более разнообразные.

Подумаем теперь, как реально протекает процесс выделения себя в процессах массовой коммуникации с помощью моды. При этом имеет смысл различить в моде рефлексированное, осознанное отношение. Действительно, в современной культуре немало людей сознательно стараются приобщиться к моде, то есть модно одеваться, модно жить. В свою очередь, промышленность и связанные с модой фирмы сознательно ориентируются на обслуживание таких потребителей. Одно из условий эффективности такого обслуживания — прогнозирование моды, но больше, конечно, программирование ее. Мы, например, постоянно слышим, что в следующем сезоне будут модными такие-то и такие-то цвета, фасоны, образы, автомобили и прочее. Все эти прогнозы основываются на известном факте — мода меняется, причем существуют некоторые закономерности подобных трансформаций. Так, всякая следующая мода должна отличаться от предыдущей, новая мода должна отвечать как некоторым общим тенденциям в культуре, так и запросам отдельных групп населения, определенное влияние на становление новой моды, безусловно, оказывают сознательные усилия заинтересованных специалистов (реклама, выброшенные на рынок образцы, наличие сознательно продвинутых модных групп, «законодателей моды» и прочее). Тем не менее, как и многие другие прогнозы в социальной сфере прогнозы моды сбываются нечасто.

Поэтому опытными специалистами прогнозы моды рассматриваются не сами по себе, а как часть процедур программирования моды.

Итак, предположим, что ориентированный на моду представитель массовой культуры имеет желание реализовать себя в этой сфере. Содержанием такой реализации, как мы отмечали выше, является создание особой реальности, где индивид, попадает в желаемый мир и одновременно, как необходимое условие обретения такой реальности, делает себя центром притяжения, событием для остальных участников публичной коммуникации (для этого вместо себя он посылает образ, выступающий для участников публичной коммуникации в качестве образца и идеала). Мода как раз и обеспечивает оба названные условия: модные вещи, во-первых, позволяют обратить на себя внимание, во-вторых, создать нужный событийный ряд и переживания. Учтем теперь и такой момент: мода — феномен массовой культуры. Одно из направлений анализа последней — рассмотрение моды как популяции и сообщества.

Как сообщество, мода — это все те, кто ориентирован на моду, внимательно за ней следит, читает и смотрит передачи и журналы мод, именно посредством моды реализует себя как личность (но, естественно, и другими способами). Как популяция, мода — это сообщество, ориентированных на моду людей, которые своим поведением влияют друг на друга. Вот некоторая значимая для данной сферы группа (знаменитые люди, артисты и другие «законодатели моды») начинает демонстрировать новую моду (и осознанно и неосознанно), то есть по-новому ведут себя, одеваются, заказывают и приобретают необычные вещи. При этом они сразу выделяются на фоне популяции. Если эти новшества совпадают с основными тенденциями, складывающимися в популяции (желанием сменить уже надоевшую моду, поскольку следование ей, не позволяет выделиться из толпы, ориентацией новых образцов на разрыв с существующей модой, открывающиеся при этом новые событийные возможности и др.), то остальные члены сообщества моды начинают идентифицировать себя с законодателями моды.

Другими словами, они отказываются от существующей моды и начинают следовать новой. Но новые образцы поведения становятся осознанными как новая мода, только в том случае, если сообщество моды в целом осознает тот факт, что мода сменилась. Нужно, конечно, взять в

расчет и такое обстоятельство: в формировании новой моды участвуют не одна, а несколько групп законодателей моды. «Процесс формирования и распространения моды, по Г. Блумеру, проходит две фазы: инновацию и отбор. На первой фазе происходит предложение различных соперничающих между собой культурных образцов; на второй фазе все социальные группы осуществляют коллективный отбор, в результате которого одобренный образец становится общепризнанной нормой»⁷.

Все больше и больше членов популяции подключаются к новой моде, в результате новая мода завоевывает сообщество, но, как ни странно, ее победа оказывается пирровой. Следование большинства членов сообщества новой моде лишает возможности каждого ее участника реализовать себя через моду, поскольку уже не удастся выделиться на общем фоне, повернуть на себя взгляды сообщества, способствовать за счет этого формированию желаемой реальности. Окончательная победа новой моды совпадает в данном случае с началом процесса ее угасания. Но кризис данной моды есть условие становления следующей. «Развитие моды, — как верно отмечает А. Гофман, — носит циклический характер; сменяющие друг друга модные стандарты проходят стадии становления, массового распространения и упадка, выражающегося в уменьшении численности их приверженцев»⁸.

Итак, мода — феномен массовой культуры, ее «мертвая и живая вода», позволяющая личности периодически обновлять и менять желаемые миры, подтверждая свое бытие с помощью других. Важными понятиями при осмыслении моды являются понятия «желаемого мира», моды как особой «социальной практики», где человек вместо себя посылает социальные образцы и идеалы и за счет этого управляет поведением других, наконец, понятий «сообщество и популяция моды».

Для нашей темы интересно обратить внимание на следующие моменты. Безусловно, мода является одной из современных нормативных систем: она задает определенные аспекты поведения человека, причем в контексте моды соответствующие нормы варьируются и обновляются. Подумаем, как эти нормы устанавливаются. Индивиды или определенные группы посылают в публичное

пространство некоторое «послание», «мессадж» (обновляют моду, модно одеваются, модно ведут себя и прочее). Если послание привлекательно, в ответ начинает кристаллизоваться новая мода, включающая рассмотренные выше процессы. В результате складывается новая норма. Однако ее становление выступает условием не только ее функционирования, но и будущего конца и замены другой нормой. Чтобы какая-то новация стала модой, социальная среда должна быть к ней готова. Подобную готовность (соответствующую среду) сегодня не ждут, а целенаправленно создают.

Если обобщить этот пример, можно высказать следующую гипотезу. Современные *нормы типа моды* устанавливаются в процессе активности социальных акторов, посылающих в публичную среду различные мессаджи. Это первое условие. Второе условие — создание нужной социальной среды и готовности. Третье — самоорганизация этой среды в ответ на данные послания. Интересно, что в понятие публичности входят такие характеристики как «массовость», «свобода», «экранность», но также и «социальная нормативность». Действительно, например, мода — это массовый феномен, она предполагает свободу личности (во времена военного коммунизма, как известно, все одевались одинаково (покрой и материал аля Сталин или Мао); мода действует и эффективна там, где есть «экраны» — прогулочные зоны, зоны отдыха и развлечения, специальные демонстрационные площадки и помещения и т.п. Но мода — это также и социальное, публичное пространство, именно здесь, как все знают, устанавливается мода, то есть социальная норма. При этом понятно, что если социальные нормы устанавливаются подобным образом, то они вариативны, временны, обновляемы, существенно зависят от характеристик социальной среды. Теперь посмотрим, как на одном и том же «материале» реализуются две различные социальные нормы.

Возьмем для примера такую, сегодня достаточно распространенную, ситуацию: некто, с одной стороны, стал ходить в церковь, а с другой — является твердым рационалистом. Спрашивается, как он примиряет в своем сознании и поведении религиозную и рациональную нормативность, которые по ряду параметров противоположны? Наблюдения показывают, что современный человек реализует в данном случае три разные стратегии. Одна, её можно назвать «жизнь в двух комнатах»,

⁷ Гофман А.Б. Мода // Культурология. XX век. Словарь. СПб, 1997. С. 289.

⁸ Там же. С. 290.

состоит в том, что он как бы расщепляется на две личности — верующую и атеистическую. Первая живет в одной «комнате», а вторая в другой. Такой человек как бы говорит: в церкви я верующий, а на работе — рационалист, нет никаких проблем, здесь я такой, а там другой. Кстати, тех, кто живет по принципу «двух комнат» в современной культуре очень много.

Вторая стратегия (назовем её «компромиссной») тоже характерна для массовой культуры. Реализуя сразу две несовпадающие социальные нормы, индивид как бы не замечает и опускает те их характеристики, которые противоречат друг другу, и напротив, артикулирует другие характеристики, которые ему желательны видеть. Если первая стратегия позволяет практически не менять социальные нормы (решение достигается за счет самоорганизации индивида, по-разному себя идентифицирующего), то вторая стратегия — это, по сути, первый этап построения новой нормы. Последняя сложится, если будет иметь место осознание нового употребления и его удастся транслировать другим.

Третья стратегия (будем называть её «синтетической») реализуется теми индивидами, которые, во-первых, целостны, т.е. они не признают возможность существования в двух комнатах, во-вторых, в той или иной мере они осознают различие самих социальных норм. В этом случае некоторые креативные индивиды создают новые социальные нормы, сознательно синтезируя характеристики обеих норм. Например, Эмануэль Сведенборг был глубоко верующим человеком (христианином) и крупнейшим ученым и инженером XVIII столетия. После 25 лет очень успешных научных занятий он оставляет их и создает эзотерический вариант христианского учения, который, как это не удивительно, одновременно удовлетворяет идеалам естествознания (создавая свое учение, Сведенборг снимает основные противоречия христианской доктрины, описывает духовную реальность на основе научных понятий, обосновывает их в соответствии с логикой точных наук)⁹.

Приведу еще одну стратегию социального нормирования, её можно назвать «потемкинской деревней». Суть её в том, что публично заявляется одна социальная норма, а фактически реализуется совершенно другая (часто противоположная по содержанию); однако, обязательное условие —

демонстрация реализации в форме первой нормы. За примерами не нужно ходить далеко: это дискурс М. Фуко, призванный *скрывать* реальное положение дел, или неправовая практика, оформляемая в рамках действующего права. Наблюдается своеобразный парадокс — право в современной России формируется в контексте неправовых практик. За годы реформ, пишут Т.И. Заславская и М.А. Шабанова, этот контекст настолько расширился, что для большинства стал более реальным, чем само право. По данным этих авторов 42% респондентов «указали, что в современных условиях их законные права нарушаются чаще, чем до реформ. Особо неблагоприятно и важно для осмысления сути современного трансформационного процесса России то, что основными субъектами, нарушающими права граждан, являются власти разных уровней (их назвали 89% респондентов) <...> Многие исследователи выражают тревогу по поводу глубокого разрыва между административно-правовой и социокультурной составляющими российских институтов. Отмечается, что новые законы и нормы нередко остаются на бумаге, реальные же практики развиваются так, как если бы этих норм не было»¹⁰.

Думаю, примеров достаточно. Из них ясно, что современные социальные нормы существенно отличаются от традиционных. Ни о какой неоднозначности не может быть и речи, и системность здесь очень своеобразная. На первый же план выдвигается **деятельность и стратегии социальных акторов**, создающих на исходной основе социального нормирования разные нормы. Вернемся теперь к проблеме понимания и непонимания в современных дискурсивных коммуникациях.

Как быть, если в одной философской или научной аудитории встречаются не только разные способы мышления, но и разные типы социального нормирования? Скажем, я пришел из методологии, где всегда требовалось отрефлексировать и обосновать собственную работу, причем, как правило, в контексте коллективной семинарской работы, а мой оппонент — традиционный философ, привыкший к рассуждению по Аристотелю или Канту. Может ли мы понять друг друга, даже, если расскажем о своей деятельности? Но ситуация может быть еще сложнее. Мой оппонент при-

⁹ Розин В.М. Демаркация науки и религии. Анализ учения и творчества Эммануэля Сведенборга. М., 2007.

¹⁰ Заславская Т.И., Шабанова М.А. Социальные механизмы трансформации неправовых практик // Общественные науки и современность. 2001. № 5. С. 6-7.

вык жить и мыслить по принципу «двух комнат» или «компромисса», а я, как правило, реализую «синтетическую» стратегию. Вряд ли опять мы тогда будем понимать друг друга. Ясно, что может быть и много других ситуаций, различающихся разными способами мышления и разными типами социального нормирования.

Не означает ли сказанное, что бесполезно прояснять дискурсивные коммуникации? Естественно, нет. Прояснение все же будет

способствовать сближению позиций и пониманию. Другое дело, что кардинально ситуация не улучшится, если не произойдут изменения в самом мышлении и социальности. Мне кажется, что в настоящем времени обособление научных сообществ и дробление коммуникаций достигли своего дна, стали просто невыносимыми. Появляются многочисленные свидетельства тяги к обсуждению, и главное, разрешению сложившейся ситуации.

Список литературы:

1. Аристотель. Метафизика. М.-Л., 1934.
2. Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998.
3. Гофман А.Б. Мода // Культурология. XX век. Словарь. СПб, 1997.
4. Заславская Т.И., Шабанова М.А. Социальные механизмы трансформации неправовых практик // Общественные науки и современность. 2001. № 5.
5. Лиотар Ж.Ф. Постсовременное состояние // Культурология. Ростов н/Д, 1995.
6. Померанц Г.С. Постмодернизм // Новая философская энциклопедия. В 4 т. М., 2001. Т. 3.
7. Приобщение к философии. Новый педагогический опыт. М., 2009.
8. Розин В.М. Беседы о реальности и сновидения Марка Вадимова. Методологический роман. М., 2006.
9. Розин В.М. Демаркация науки и религии. Анализ учения и творчества Эммануэля Сведенборга. М., 2007.
10. Розин В.М. Проникновение в мышление. История одного исследования Марка Вадимова. М., 2006.

References (transliteration):

1. Aristotel'. Metafizika. M.-L., 1934.
2. Berman G. Dzh. Zapadnaya traditsiya prava: epokha formirovaniya. M., 1998.
3. Gofman A.B. Moda // Kul'turologiya. KhKh vek. Slovar'. SPb, 1997.
4. Zaslavskaya T.I., Shabanova M.A. Sotsial'nye mekhanizmy transformatsii nepravovykh praktik // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2001. № 5.
5. Liotar Zh.F. Postsovremennoe sostoyanie // Kul'turologiya. Rostov n/D, 1995.
6. Pomeranets G.S. Postmodernizm // Novaya filosofskaya entsiklopediya. V 4 t. M., 2001. T. 3.
7. Priobshchenie k filosofii. Novyy pedagogicheskiy opyt. M., 2009.
8. Rozin V.M. Besedy o real'nosti i snovideniya Marka Vadimova. Metodologicheskiy roman. M., 2006.
9. Rozin V.M. Demarkatsiya nauki i religii. Analiz ucheniya i tvorchestva Emmanuelya Svedenborga. M., 2007.
10. Rozin V.M. Proniknovenie v myshlenie. Istoriya odnogo issledovaniya Marka Vadimova. M., 2006.